

Мельников Павел Иванович

**Гриша. Рассказ из
раскольничьего быта**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Иванович М.**
Гриша. Рассказ из раскольничьего быта / Мельников Павел Иванович — М.: Книга
по Требованию, 2024. — 95 с.

ISBN 978-5-519-96146-2

ISBN 978-5-519-96146-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

тери никакого Божьяго насланія на нихъ не было—ни пожара, ни потопа, ни суда, никакого инаго разоренія. И въ подряды казенные не вступали, и откуповъ не держали — а прогорѣли. Ужь такая видно судьба ихняя.

Правда, передъ самой смертью Евпраксіи Михайловны, было у нихъ горе. Но, кажется бы, отъ этого горя еще нельзя было въ конъ разориться. Нѣтъ, ужь судьба, просто судьба!...

Отецъ Гусятниковыхъ — мужъ Евпраксіи Михайловны, хоть и бойко торговалъ, да дѣла не совсѣмъ въ порядкѣ держалъ, и какъ померъ — а померъ-то въ одночасье, на чужой сторонѣ—въ Саратовѣ никакъ—такъ чуть-было не пришлось конкурсы дѣлать. Евпраксія Михайловна послѣ него молодой вдовой осталась, а на рукахъ семья, да семья-то не маленькая: пять сыновей, да двѣ дочери малъ-мала меньше. Седьмымъ ребенкомъ на сносяхъ ходила, какъ пали къ ней вѣсти, что сожитель ея побившился. «Ну, совсѣмъ теперь порѣшились Гусятниковы», заговорили по купечеству.—Родила Евпраксія Михайловна, справилась, по му-

жѣ сорочины исполнила и сама за дѣло взялась.—«Куда молодой бабѣнкѣ съ такими дѣлами возиться, заговорило купечество: отъ такихъ дѣлъ и у стараго торгаша голова затрепщитъ! Куда ей?»

Но въ немощахъ человѣческихъ Господь силу свою являетъ: молодая вдова въ какіе нибудь три-четыре года дѣла свои на самую лучшую ногу поставила, а кожевенный заводъ, при мужѣ-то чуть не совсѣмъ заброшенный, такъ подняла, что сдѣлался онъ что ни на есть первымъ по всей губерніи и на самой Макарьевской ярмаркѣ юфть гусятниковская стала всѣмъ знаема. Сыновей Евпраксія Михайловна выростила, выучила, переженила, дочерей замужъ повыдала за хорошихъ людей: одну въ Казань за купца, другую въ Муромъ, третью чуть ли не въ Арзамасъ. Сыновья не дѣлились, всѣ при матери жили даже и тогда, какъ своихъ дѣтей переженили. Ну, одно слово—такъ все хорошо да ладно устроила Евпраксія Михайловна, что и мужчинѣ не всякому такъ удастся. И наградила ее Господь многолѣтіемъ, видѣла Евпрак-

сія Михайловна внуковъ женатыхъ, нянчила, холила правнуковъ, и отъ всѣхъ людей почтена была за жизнь строгую, подвижную. Правдой жила: много добра потаеннаго творила, много раздала тайной милостыни, и поднесла Господу на смѣртномъ одрѣ три дара: первый даръ—почное моленье, другой даръ—постъ-воздержанье, третій даръ—любовь-добродѣтель.

Особенно страннолюбію поревновала Евпраксія Михайловна. Бывало, кто ни приди къ ея дому, кто ни помяни у воротъ имя Христово—всякому и хлѣбъ, и соль, и теплый уголъ. На краю обширной своей усадьбы, неподалеку отъ маленькой рѣчки, на самомъ на вспольѣ, ставила средобольная вдовица особую келью ради пристанища людей странныхъ, ради трудниковъ Христовыхъ, ради переходящихъ богомольцевъ. Много тутъ странниковъ привитало, много въ той келійкѣ страннаго народа упокоено было, много здѣсь къ Господу теплыхъ молитвъ про-
лито было за честную вдовицу Евпраксію.

Женскаго пола странніе люди у Евпраксіи Михайловны въ самомъ дому привитали; сама

она съ дочками, покамѣсть замужъ ихъ не по-
выдала, да съ невѣстками, за странницами, ра-
ди Бога, ходила; а мужской полъ, по старому
уставу, долженъ жить особо, и послужить стар-
цу долженъ мужчина. Для того-то и строила
Евпраксія Михайловна на усадѣ страннопріим-
ную келью, а потомъ йскала человѣчка, чтобы
смотрѣлъ онъ за келійкой деннонощно, былъ
бы при ней безъисходно, приносилъ бы стар-
цамъ и переходимъ богомольцамъ съ поварни
горячую пищу; а служилъ бы не изъ платы, а
по доброму своему хотѣнью, плоть да волю
свою умерщвлялъ бы и дѣлалъ бы дѣло свое ради
Бога. Въ страхъ Господнемъ вспоенные, вскорм-
ленные сыновья сами на такое богоугодное дѣ-
ло одинъ передъ другимъ просились, однако
Евпраксія Михайловна на то имъ говорила:

— Полно-ка вамъ, дѣтки! Развѣ вамъ того
неизвѣстно, что всякому человѣку отъ Бога своя
дорога, каждому человѣку отъ Господа своя
забота? Вамъ дана забота—вести торгъ чест-
ный, а на келейное дѣло вы, мои ребятки, еще
несгодились. Нѣтъ, дѣтки, семъ-ка присмот-

римъ мы сироту такого, чтобы смирный былъ да богобоязный, ради Бога работащій и терпѣливый. По силѣ помощь ему подадимъ: барскій, такъ выкупимъ; вольный, такъ рекрутскую кви-танцію за него выправимъ—и станетъ онъ у насъ старцевъ покоить, да Бога молить объ отпущеніи нашихъ согрѣшеній... Ладно, что ли, ребятки?

Сыновья матери съ роду ни въ чемъ не перечешили, а по такому душевному дѣлу и подавно. Рѣшили искать сироту. По скорости и отыскали.

Послѣ колгуевского мѣщанина Аверьяна Самохинскаго, горькаго пропойцы, что подлѣ кабака и жизнь покончилъ, оставался сынъ Григорій. Не было у него ни роду, ни племени; куда ни оглянись, со всякой стороны, какъ есть—сирота круглый. Ужь было ему лѣтъ тринадцать, а мальчишка все промежъ дворовъ мотался: гдѣ съѣсть, гдѣ изопьетъ, гдѣ въ банькѣ выпарится, а все именемъ Христовымъ. Только и праздникъ бывалъ Гришуткѣ, когда иной разъ какая-нибудь бабѣнка, сжалившись надъ горе-

мычнымъ, обносокъ ему подасть. И пойдетъ ему тотъ обносокъ за нову рубаху. Паренёкъ былъ смирный, тихій, послушный: ну, извѣстное дѣло—нужда да сиротство чему не научать! И открылъ ему Господь разумъ: выучился Гришутка грамотѣ самоучкой, и ходя по домамъ безграмотныхъ мѣщанъ, читалъ имъ псалтирь да чети-минею. И возлюбилъ Гриша божественныя книги, и ужь такъ хорошо онъ пѣлъ духовныя пѣсни, что и такой человѣкъ, что въ суетѣ вѣкъ свой проводить, заслушается бывало его поневолѣ. А былъ онъ изъ раскольниковъ, изъ «записныхъ» — изъ самыхъ, значить, коренныхъ—дѣды его и прадѣды двойной окладъ платили, указное платье съ жолтымъ козыремъ носили и браду свою пошлиной окупали. Это было тоже съ руки Евпраксіи Михайловнѣ, для того, что и сама онъ съ дѣтками тоже «по древлему благочестію» пребывала, то есть по-просту сказать расколичала. Только были Гусятниковы не злой какой нибудь секты, не изувѣрной, а по бѣглому священству—по Рогожскому, значить, кладбищу. И взяла къ себѣ въ

домъ Евпраксіа Михайловна сироту Гришу. Обмыли его, одѣли, рекрутскую квитанцію за парня выправили, и по его доброй волѣ, по его благому хотѣнью, приставили его къ богадѣльной кельѣ. Тамъ, за кафельной печкой-голанкой, устроили ему каморку. Въ этой каморкѣ, объ одномъ маломъ оконцѣ, сталъ жить и подвизаться молодой келейникъ, а въ свободное время, когда въ келійкѣ ни скитскихъ старцевъ, ни переходящихъ богомольцевъ не было, читалъ онъ все книги о житіи пустынниковъ и подвижниковъ Христовыхъ, что въ Палестинѣ, и во Египтѣ, и въ ѳиваидскихъ пустыняхъ труднымъ и добрымъ подвигомъ, ради Господа, подвизались.

Живетъ Гриша у Евпраксіи Михайловны годъ, живетъ Гриша другой, живетъ третій, а все старцамъ и страннимъ людямъ служить, все божественныя книги читаетъ.

Отверзстою душою и умомъ нераздвоеннымъ внималъ нашъ келейникъ сказаніямъ о подвигахъ отцовъ преподобныхъ, и съ особеннымъ жаромъ, съ особой любовью читалъ онъ «Повѣсть объ ин-

дѣйскомъ царевичѣ Асафѣ». «Вотъ вѣдь», думаетъ, бывало, Гришутка: «и царевичъ былъ, и царствомъ владѣлъ, жилъ въ бѣлокаменныхъ палатахъ, было у него казны золотой несмѣтно, было у него всякихъ земныхъ сокровищъ неизсчетно, а промѣнялъ же царскія брашна на гнилую колоду, сладкіе меда на болотну водицу...» И западала въ юную голову Гриши крѣпкая дума—какъ бы и ему въ дебряхъ пустынныхъ постомъ и молитвой спасти свою душу... Разросталась, расширялась у него такая дума и, глядя на синеву дремучаго лѣса, что за рѣчкой виднѣлся на краю небосклона, только о томъ и помышлялъ Гриша, какъ бы въ этомъ лѣсу келійку ему поставить, какъ бы тамъ въ безмятежной пустыни молиться Богу, какъ бы дивнымъ овощемъ питаться какъ бы честнымъ житіемъ вѣкъ свой подвизаться, какъ бы столбъ себѣ ради подвига великаго поставить, какъ бы стоять на томъ столбѣ тридесять лѣтъ несходно, не ложась и колѣнъ не преклоняя, отъ персей рукъ не откладая, очи съ неба не спуская... Стоитъ, бывало, стоитъ нашъ келейникъ, вперя въ даль свои очи, стоитъ,

самъ ничего не слышитъ, а по душѣ у него сладость разольется, и самъ не знаетъ, отчего онъ заплачетъ; заструятся у него по впалымъ, блѣднымъ ланитамъ горячія слезы, и запоетъ онъ тихонько стихъ въ похвалу пустынѣ:

«О, прекрасная мати-пустыня!
Самъ Господь пустыню похваляетъ,
Отцы во пустыняхъ скитались,
И ангелы отцамъ помогали...
Прекрасная ты пустыня,
Прекрасная ты раиня,
Любимая моя мати!
Прими ты меня, мать-пустыня,
Отъ юности моя прелестной!
Научи ты меня, пустыня,»
Какъ жить и творить Божье дѣло!

И долго, долго, бывало, тихимъ, тоскливымъ напѣвомъ поетъ Гриша, глядя на синеву лѣсную. Спустился вечерняя тѣнь на землю, и лѣсъ черной полосой вытянется по краю неба, а онъ все поетъ да поетъ свою любимую пѣсню; яркія звѣздочки одна за другой начнутъ вспыхивать въ небѣ, и полный мѣсяцъ выкатится изъ за лѣ-

са; серебристымъ лучомъ обольетъ онъ и широкіе луга, и сонную рѣчку, и бѣлоснѣжные песчаные берега ея и темныя, нависшія въ воду ракиты, а Гриша, не чувствуя ни голода, ни ночного холода, стоитъ босой на покрытой росой луговинѣ и все поетъ да поетъ про прекрасную мать-пустыню...

А подвизался нашъ Гриша житіемъ строгимъ; въ великіе только праздники вкушалъ горячую пищу, а то, кромѣ хлѣба да воды, въ ротъ ничего не бралъ. Строгій былъ молчальникъ, праздного слова, бывало, никогда не молвить, только бывало его и слышно, какъ распѣваетъ свои духовные псалмы, да что ни дѣлаетъ, гдѣ ни ходитъ, все молитву шепчетъ.

А на усадѣ Евпраксіи Михайловны народу жило много: тутъ стояли заводы кожевенный, салотопенный, свѣчной, клееварный, тутъ же кошму изъ шерсти валяли, овчины выдѣлывали,—стало быть однихъ работниковъ что тутъ жило! А кромѣ того по торговой части прикащики да артельщики и другіе наемные люди—и всѣ они жили въ особыхъ избахъ, каждый съ своимъ